

On some theoretical aspects of the development history of the national security concept in the 1990s - early 21st century

O. A. Lipatov¹

---

¹Nizhny Novgorod Institute of international relations and world history of the national research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, 2 Uliyanova str., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation

---

Research Article
Full text in Russian

The article considers historical aspects of the use theories, which were used in the formation and understanding of the concept of national security of the Russian Federation. The article analyzes the influence of theories of human security and rational choice on approaches to ensuring national security in Russia. Changes in their signification are explained.

Keywords: national security; national security conception; human security; rational choice theory

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lipatov, Oleg A. | E-mail: helgardlinden@yandex.ru
Postgraduate

О некоторых теоретических аспектах истории развития концепции национальной безопасности в 90-е годы XX – начала XXI века

О. А. Липатов¹

¹Нижегородский институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация

УДК 947(47):34
Научная статья

В статье рассматриваются исторические аспекты применения теорий, положения которых использовались в процессе становления и осмысления концепции национальной безопасности Российской Федерации. Проводится анализ влияния теорий человеческой безопасности и «рационального выбора» на подходы к обеспечению национальной безопасности в России. Обосновываются изменения их значения.

Ключевые слова: национальная безопасность; концепция национальной безопасности; человеческая безопасность; теория рационального выбора

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липатов, Олег Анатольевич | E-mail: helgardlinden@yandex.ru
Аспирант

В начале 90-х гг. XX века, после окончания «холодной войны», появилась необходимость новой концептуальной модели ведения политики, осуществляемой в отношениях с государствами англо-саксонского мира, в отсутствие глобального «противника». Российскому государству предстояло определить парадигму новой политической реальности. После исчезновения СССР сформировалась потребность определения внешнеполитических приоритетов и концептуальных основ для понимания угроз безопасности. Формирование нового законодательства базировалось на первостепенной значимости прав личности, положениях человеческой безопасности, либерально-демократических ценностях.

Исторически концепция человеческой безопасности начинает складываться и оформляться в 50–90 гг. XX в. и своего расцвета достигает к началу деструктивных процессов в СССР. Вопросы, касающиеся ее обеспечения, рассматривались в работах К. Буса, У. Джонса, Р. Кокса, Л. Рид, С. Смита, М. Техранян и других [1, с. 64–66], а положения и установки позволяли под видом защиты личности через механиз-

мы международного права вмешиваться в дела суверенных государств. Разработка данной концепции реализована в США [2].

В законодательстве России в начале 1990-х гг. примат положений человеческой безопасности существенно сужал полномочия силового блока органов исполнительной власти, чей авторитет был подорван либерально ангажированной информационной политикой [3, с. 378–380]. Не помогла концепция и в решении проблем сепаратизма и сохранения территориальной целостности в ходе операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994–1996 гг. [4, с. 105–106].

Процесс поиска концептуальных основ обеспечения безопасности в законодательстве дал сильный крен в сторону гуманистической составляющей. Это может быть объяснено тем, что в общественном сознании был сформирован образ подавления прав человека в условиях исторической реальности социалистического строя и доминирования общественного над частным, а инструменты пропаганды социализма в период поздней перестройки преврати-

© Липатов О. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

лись в средства дезориентации и дезинтеграции советского общества [5, с. 437–438]. Идеи человеческой безопасности с ее гипертрофированными принципами превосходства личного над общественным были противоречивы и диаметрально противоположны на формально логическом уровне, позволяли избавиться от наследия советского «тоталитарного» прошлого путем перехода от общественных ценностей к индивидуальным. С начала XXI века в Российской Федерации постепенно происходит пересмотр концепции защиты прав человека и понимание того, что эффективность применения концептуальных положений человеческой безопасности зависит от того, насколько то или иное государство или международная организация будут способны применять их на практике [6, с. 171].

Вместе с изменением отношения к западной науке теория безопасности вместо класса как основного гегемона в политике также обращается к личности. Исходя из классификаций потребностей личности, сформулированных А. Маслоу [7], К. П. Альдерфером [8], Д. Мак Клелландом [9], Ф. И. Херцбергом [10] личная (экзистенциальная) безопасность является базисной потребностью и мотивом. Системное изучение нужд человека убеждает в том, что совокупность сформировавшихся потребностей определяет его рациональное целеполагание, выбор и деятельность, в том числе по отношению к проводимой государством политике в сфере обеспечения безопасности.

Теория рационального выбора в качестве обоснования политического курса или позиции по вопросам международных отношений в истории России начинает приобретать актуальность только с относительно недавнего времени [11, с. 47–48]. Подобного рода изменения происходят по причине осознания внешнеполитического интереса, базирующегося прежде всего на потребностях крупных государственных корпораций и частных компаний, нуждающихся в государственной поддержке своих экономических интересов.

В начале 90-х гг. XX века не был решен однозначно вопрос о том, какие именно политические силы получают контроль над возникающими государственными корпорациями, ориентированными на интеграцию в мировую экономику или на ведение самостоятельной экономической политики. Процесс первоначального накопления капитала в образовавшейся Россий-

ской Федерации быстрее шел в крупных отраслях экономики (добывающая промышленность, транспорт, энергоснабжение) и имел свои особенности, выразившиеся в таком поведении возникающего крупного бизнеса, как избыточное потребление, вывоз капиталов за рубеж, сокращение объемов производственного капитала [12, с. 290–291]. В начале XXI века ситуация начинает меняться, что во многом было вызвано необходимостью противодействия транснациональному терроризму, ставшему одним из радикальных средств геополитики Запада, продемонстрированному в Ираке в 2003–2004 годах, в Ливии и Сирии с 2011 года и по настоящее время. Вызывает беспокойство политического руководства страны продолжающаяся жесткая провокационная угрожающая риторика в отношении Ирана, Северной Кореи, Китая. Реальную угрозу военной и пограничной безопасности России представляют события начала XX века в государствах, находящихся в зоне непосредственных интересов Российской Федерации. В частности, агрессия в Грузии на российский миротворческий контингент и мирное население в Южной Осетии в августе 2008 года [13], эскалация антироссийских настроений в странах Балтии и на Украине [14], а также в других лимитрофах. Последствия указанных событий в военной, политической и экономической сферах российское государство смогло правильно оценить только в настоящее время. События в Ираке 1990–1991 гг. и Югославии в 1999 г. были оставлены без должного внимания со стороны России. В итоге были потеряны возможности для извлечения экономических выгод от совместных проектов, например от разработки месторождений Западной Курны со стоимостью контракта 630 млн долларов на тот период времени [15] и ослаблены позиции России в сфере влияния на страны Персидского залива.

Современные события в Сирийской Арабской Республике показывают принципиально иную реакцию России, причем не только по уровню активности, но и по ее эффективности, демонстрируя тренд на переход к «языку выгоды» во внешнеполитических отношениях, что, собственно, и является проявлением практического применения положений теории «рационального выбора». Другим отраженным в нормативной деятельности исполнительной власти показателем указанного перехода является принятие Стратегии национальной безопасности [16] взамен Кон-

цепции национальной безопасности [17]. Если Концепция как документ отражала, помимо анализа обстановки, наиболее общие элементы, связанные с обеспечением безопасности, в частности угрозы [17, Р. III], и национальные интересы [17, Р. II], то Стратегия национальной безопасности добавляет категориальный аппарат [16, ст. 6], прогнозирование развития международной ситуации [16, Р. II], долгосрочность националь-

ных интересов [16, ст. 21] и критерии состояния национальной безопасности [16, ст. 112;18].

Таким образом, значимость положений теории человеческой безопасности и связанные с ними либеральные ценности объективно так и не приобрели практической значимости. Теория «рационального выбора» постепенно берется на вооружение при необходимости обоснования управленческой государственной деятельности с позиции выгоды.

Ссылки

1. Асташин В. В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2. С. 63–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-podhody-k-problemam-bezopasnosti-v-mezhdunarodnyh-issledovaniyah-kontsepsiya-chelovecheskoj-bezopasnosti> (дата обращения: 17.05.2020).
2. Стратегия Национальной Безопасности США (15 февраля 2015 г.) URL: <http://politinform.su/pervaya-polosa/18245-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-ssha-polnyu-tekst.html> (дата обращения: 20.05.2020).
3. Хлобустов О. М. КГБ СССР, 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М.: Аква-терм 2012. 656 с.
4. Цветкова В. Ф. Первая чеченская кампания (1994–1996): хроника локального конфликта // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 102–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-chechenskaya-kampaniya-1994-1996-hronika-lokalnogo-konflikta> (дата обращения: 09.05.2020).
5. Вилков А. А., Пивоваров В. А. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Известия Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 432–438. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskiy-faktor-dezorientatsii-i-raskola-sovetskogo-obschestva-i-raspada-sssr> (дата обращения: 09.05.2020).
6. Рожкова Л. В., Колодяжная Д. И. Гуманитарная интервенция в мировой политике // Вестник ПензГУ. 2018. № 1 (21) С. 168–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-interventsiya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 10.02.2020).
7. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. М.: Питер, 2013. 351 с.
8. Alderfer C. P. Existence, Relatedness, and Growth; Human Needs in Organizational Settings. NY: Free Press, 1972. 198 p.
9. Маклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
10. Херцберг Ф. И., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 126–129.
11. Окунев И. Ю. Внешняя политика для большинства? Новое измерение геополитического кода России // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 2. С. 40–48.
12. Гулин К. А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6 (12). С. 276–291.
13. Цыганок А. Д. Россия на Южном Кавказе: грузино-осетинская война, 8–13 августа 2008 г. М.: АИРО-XXI, 2010. 328 с.
14. Селиванов А. О причинах антироссийских настроений в Западной Украине, Прибалтике, Польше: психология лимитрофности пограничных государств // Политическое образование. Информационно-аналитический журнал. URL: <http://lawinrussia.ru/content/o-prichinah-antirossiyskih-nastroeniy-v-zapadnoy-ukraine-pribaltike-polshe-psiologiya> (дата обращения: 20.05.2020).
15. Славкина М. Высокий класс: история нефтяных проектов СССР на Ближнем Востоке. URL: <https://nangs.org/news/business/vysokij-klass-istoriya-neftyanykh-proektov-sssr-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 20.05.2020).
16. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».